

БИБЛЕЙСКАЯ НАУКА.

Академическія чтенія по Св. Писанію
Новаго Завѣта.

По Евангелію.

2.

Епископа Михаила,

Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и
Кіевской Духовныхъ Академій.

Подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.

Типографія И. Д. Fortunatova, насл., въ Туль.

1903.

О Евангеліи отъ Іоанна.

Епископа Михаила.

Въ круговоротѣ историко-философской критики Ново-Завѣтныхъ священныхъ Писаній, Евангеліе отъ Іоанна раздѣляетъ одинаковую съ прочими Евангеліями судьбу, если еще не болѣе тяжелую. На Евангеліе отъ Іоанна было особенно много нападеній со стороны отрицательной критики, и потому оно требуетъ особенно подробнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, чего—чего не наговорено было, и чего—чего не говорятъ еще о происхожденіи и судьбѣ этого Евангелія, о его цѣлости и характерѣ? Кажется, критика истощила все свое остроуміе въ составленіи различныхъ гипотезъ касательно этого Евангелія, такъ что, повидимому, болѣе уже нечего и говорить. Впрочемъ, что же удивительнаго? Извѣстное дѣло, что въ историческомъ дѣлѣ, какъ скоро однажды отрываются отъ прямого пониманія историческаго факта и хотятъ навязать ему свои предзанятыя смыслъ и значеніе, хотятъ вложить въ него мысль партіи или школы: то гипотезамъ боязливымъ и смѣлымъ, дерзкимъ и невиннымъ, вреднымъ и безвреднымъ почти не можетъ быть и конца, потому что въ такомъ случаѣ дѣло идетъ лишь о вѣроятностяхъ, а малоли что можетъ признать вѣроятнымъ умъ человѣческій, не обуздываемый ничѣмъ, кромѣ сознанія собственнаго достоинства и пристрастія къ школѣ? При увлеченіи любимую мыслью иногда кажутся вѣроятными, даже истинными, такія вещи, которыя на простой не предубѣжденный взглядъ кажутся недостойными вниманія, абсурдомъ. И это во всѣхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія, развивающагося отрицаніями. Точно то же случилось и съ Евангеліемъ отъ Іоанна, когда отрѣшились отъ положительной вѣры. Не одинъ десятокъ различныхъ и даже противорѣчащихъ взаимно гипотезъ смѣняли и смѣняютъ одна другую. Это разнообразіе и противорѣчіе гипотезъ, взаимно опровергающихъ одна другую, не даетъ, однако-же, права апологету держаться въ сторонѣ отъ нихъ и пройти ихъ молчаніемъ. То правда, что уже одно разногласіе ихъ и противорѣчіе взаимное прямо говорятъ противъ ихъ вѣроятности, тѣмъ болѣе—истинности, такъ что апо-

логету уже не приходится почти самому говорить противъ нихъ, но не приходится и оставлять ихъ совершенно и, по крайней мѣрѣ, въ краткомъ очеркѣ не обозрѣть ихъ, вмѣстѣ съ ихъ основаніями.—Съ одной стороны,—это одинъ изъ важныхъ путей, коими умъ доходитъ до убѣжденій твердыхъ и сознательныхъ, когда онъ не удовлетворяется уже одною простою непосредственною вѣрою въ истинность историческаго факта; съ другой—эти гипотезы, болѣе или менѣе новыя, всегда кажутся привлекательными и невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе внимательнаго къ ходу своего богословскаго образованія, и, издали красивыя и стройныя, легко могутъ обольстить его; съ третьей—обозрѣніемъ и обсужденіемъ ихъ расширяется взглядъ на дѣло, и утверждаются убѣжденія, какія у кого есть;—а съ четвертой—люди, ищущіе назиданія, могутъ найти въ обозрѣніяхъ подобныхъ много назидательнаго и поучительнаго.—и о суетѣ разума, и о спокойствіи вѣры, и о прочемъ подобномъ.

Кажется, нѣтъ ни одной книги между Писаніями Ново-За-вѣтными, которая бы въ болѣе высокой степени производила на читателей непосредственное впечатлѣніе единства, какъ наше четвертое Евангеліе. Отъ начала до конца книги всюду одинъ и тотъ же строго и точно проведенный типъ; одинаковый языкъ, тотъ же особенный и оригинальный образъ выраженія, тотъ же высокій и величественный образъ рѣчи, что прямо свидѣтельствуетъ, что она принадлежитъ одному писателю.—Съ другой стороны, эта книга столько же, если не гораздо болѣе, имѣетъ внѣшнихъ свидѣтельствъ и внутреннихъ признаковъ въ пользу своей подлинности и дѣйствительнаго происхожденія отъ любимаго особенно Иисусомъ ученика Іоанна. Если поэтому подлинность и неповрежденность этого Евангелія подверглись сомнѣнію и пререванію; то уже по одному этому можно догадываться, что не въ самой книгѣ лежитъ причина такихъ нападковъ, а чуждыя, постороннія причины вынудили эти смѣлыя попытки. Эта догадка вполне подтверждается исторіею критики этого Евангелія.

Въ древней Церкви мы не видимъ никакихъ сомнѣній касательно неповрежденности разсматриваемаго Евангелія и достовѣрности происхожденія его отъ Апостола Іоанна.—Не только еретики, но даже и нѣкоторые изъ язычниковъ оставили свидѣтельства, что это Евангеліе произошло отъ Іоанна, и не видно, чтобы кто либо спорилъ противъ этого всеобщаго вѣрованія. Маркіанъ, правда, отвергалъ и это Евангеліе вмѣ-

стѣ съ Евангеліями Маттея и Марка; но онъ отвергалъ ихъ не потому, что они не подлинныя, а потому, что эти Евангелисты будто не поняли ученія Иисусова и передали его въ своихъ Евангеліяхъ въ извращенномъ видѣ, — тогда какъ Лука, пиша подъ руководствомъ Апостола Павла свое Евангеліе, избѣгъ этого недостатка. Только одна секта третьяго вѣка злостно оспаривала подлинность Евангелія отъ Іоанна. Это еретики, извѣстные подъ именемъ „неразумныхъ“ (αλογοί). Чисто изъ-за личныхъ цѣлей своей секты, видя противорѣчіе своимъ мнѣніямъ въ Евангеліи отъ Іоанна, они рѣзко начали доказывать, что эта книга не есть произведеніе Апостольское, что она — сочиненіе какого-то полу іудея, собранная изъ саягъ и народныхъ толковъ; но эти толки небольшой секты не имѣли значенія для вѣрныхъ Церкви. — Съ тѣхъ поръ не видно никакихъ слѣдовъ сомнѣній въ подлинности и неповрежденности Евангелія отъ Іоанна до самаго конца XVII в. Въ 1692 г. въ неблагочестивой тогда Англіи явилось сочиненіе подъ заглавіемъ: „Разногласіе 4-хъ всюду принимаемыхъ Евангелистовъ и мнимая подлинность ихъ писаній. Изслѣдованіе Эдуарда Эвансона“, изслѣдованіе, съ желчнымъ жаромъ возставшее противъ исторической достовѣрности нашихъ Евангелій вообще и въ частности Евангелія отъ Іоанна. — При атеизмѣ, распространившемся тогда, быстро разнеслась по свѣту эта книга, а въ слѣдующемъ году явились въ этомъ же родѣ сочиненія Пристлея, Симпсона и Вольнея — тоже въ Англіи.

Съ тѣхъ поръ смѣлая гипотезы о происхожденіи Евангелія отъ Іоанна быстро слѣдовали одна за другою. Одинъ старательно увѣрялъ и себя и другихъ, что Евангеліе отъ Іоанна составилъ какой-либо неизвѣстный намъ другъ Апостола Іоанна изъ письменныхъ замѣтокъ и устныхъ сказаній его, съ прибавленіемъ кое-какихъ другихъ повѣствованій (Еккерманъ); другой доказывалъ тоже и себѣ и другимъ, что писатель Евангелія былъ какой-либо христіанинъ изъ іудеевъ, впрочемъ, неизвѣстно, кто именно, имѣвшій подъ руками письменныя замѣтки о жизни и дѣйствіяхъ Иисуса Христа, впрочемъ, неизвѣстно, какія и откуда взятые, — но совершенно переработавшій ихъ и дополнившій извѣстными ему другими изобрѣтенными сказаніями (Фогель); третій, вмѣсто христіанина изъ Іудеевъ почиталъ писателемъ Евангелія какого-либо Александрійскаго гностика (Горстъ); четвертый былъ такъ остроуменъ, что обѣ послѣднія гипотезы соединилъ въ одну, доказывая, что должно быть христіанинъ изъ Іудеевъ

написалъ это Евангеліе, а гностикъ къ нему руку приложилъ, исправивъ его значительно (Клудіусъ); пятый изъ области тѣней выводилъ какое-то таинственное лицо, какого никогда не существовало—съ именемъ Іоанна Богослова (Валленштейдтъ); шестой соглашался, что, можетъ быть, Евангелистъ Іоаннъ былъ писателемъ Евангелія, которое носитъ его имя, но издатель Евангелія былъ другой, и этотъ издатель нѣсколько прибавилъ отъ себя своего собственнаго произведенія (Аммонъ); седьмой утверждалъ, что издавалъ это Евангеліе не одинъ кто-либо, а цѣлое христіанское, вѣроятно Малоазійское, общество, тоже прибавившее къ написанному Іоанномъ нѣчто отъ себя—изъ сказаній народныхъ и т. д.—Всѣ эти мнѣнія являлись на свѣтъ съ притязаніями на истинность, и потому каждое, при явленіи своемъ, старалось опровергать другія, какъ ложныя, и, такимъ образомъ, всѣ взаимно опровергали себя.—Впрочемъ, всегда являлись еще въ большемъ числѣ и апологеты, которые защищали подлинность и неповрежденность Евангелія отъ Іоанна и, ко взаимнымъ опроверженіямъ своихъ противниковъ прибавляя свои собственныя, оправдывали постоянное вѣрованіе церкви въ подлинность и неповрежденность Евангелія. — Да и не трудно имъ было сдѣлать это: потому что въ первомъ пылу новыхъ взглядовъ заботились, какъ и всегда бываетъ, болѣе объ изобрѣтеніи новыхъ гипотезъ, чѣмъ объ основательности ихъ.

Основанія для отверженія подлинности и неповрежденности Евангелія, а равно и для опоры новоявленныхъ гипотезъ, были такъ шатки, что теперь можно уже и не высказывать всѣхъ ихъ, чтобы не положить пятна на память покойныхъ производителей ихъ. — Вотъ лучшія изъ нихъ:

а) Говорили, что въ предпоследнемъ стихѣ Евангелія слова: *сей-то ученикъ и свидѣтельствуетъ о семъ и написалъ сіе, и мы знаемъ* (οὗδαμεν), что его свидѣтельство истинно (21, 24), — очевидно, писаны не Апостоломъ и ученикомъ Іоанномъ, а вѣмъ либо изъ современниковъ его, потому что слова — *мы знаемъ* противопоставляются словамъ — *сей-то ученикъ*; слѣдовательно, заключали, вѣроятно, что и цѣлое Евангеліе написано не Іоанномъ.—Выразить проще этотъ аргументъ: современники свидѣтельствуютъ своею подписью, что Евангеліе Іоанново, — слѣдовательно, вѣроятно, оно не Іоанново.—
б) Критики, полагающіе, что издалъ Евангеліе не самъ Іоаннъ, а цѣлое общество Христіанъ, указываютъ также на выраженіе *οὗδαμεν — мы знаемъ*, — какъ будто Іоаннъ не могъ такъ